

Наталья Никольская

Мечта каждой женщины

Часть сборника
Сериал «Бабуся»

Бабуся

Наталья Никольская

Мечта каждой женщины

«Научная книга»

Никольская Н.

Мечта каждой женщины / Н. Никольская — «Научная книга»,
— (Бабуся)

«— Да, ты б хоть потише тормозила! Так ить и человека сбить можно... — ворчала старушка, вцепившись в ремень безопасности.— Да, что Вы, Евдокия Тимофеевна! Я же очень аккуратно! — возразила ей миловидная девушка, медленно паркуя машину возле облетевшего тополя в темном дворе многоэтажного дома.— Слава Богу, приехали! А я уж грешным делом думала, что не жить мне больше на этом свете...»

© Никольская Н.

© Научная книга

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	15
ГЛАВА 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Наталья Никольская

Мечта каждой женщины

ГЛАВА 1

НЕПРИЯТНОСТИ НАЧИНАЮТСЯ

– Да, ты б хоть потише тормозила! Так ить и человека сбить можно... – ворчала старушка, вцепившись в ремень безопасности.

– Да, что Вы, Евдокия Тимофеевна! Я же очень аккуратно! – возразила ей миловидная девушка, медленно паркуя машину возле облетевшего тополя в темном дворе многоэтажного дома.

– Слава Богу, приехали! А я уж грешным делом думала, что не жить мне больше на этом свете...

Молодой мужчина молча сидел на переднем сиденье рядом с водителем, вернее, водительницей данного автомобиля, и очень искусно прятал улыбку в аккуратной бородке. Игорю Костикову всегда было довольно забавно наблюдать за словесной перепалкой двух самых любимых женщин в его жизни.

Вообще-то, Игорь Анатольевич вовсе не страдал злорадством и не испытывал удовольствия от ссор и склок. Просто он уже давно привык к тому, что его гражданская жена Ирина Семенова и двоюродная бабушка Евдокия Тимофеевна Десятова находились в оппозиции друг к другу. Конечно, это не было постоянным состоянием двух женщин, и они иногда объединяли свои силы, чтобы направить их на единственного мужчину в доме – самого Костикова. И такое случалось гораздо чаще. Но все-таки слушать их взаимные беззлобные упреки было одно удовольствие (не слышать их – другое). Так что для лукавой улыбки все-таки был повод.

Мужчина совершенно не следил за нитью разговора, только иногда взглядом оказывал моральную поддержку той или иной стороне. Вообще-то, всю эту кашу он сам и заварил, доверив руль Ирине. Но кроме звуковых раздражителей, все остальное действовало на него успокаивающе: не надо было постоянно следить за дорогой или светофорами. Наоборот, как раз появилась возможность покурить в машине, чем Игорь и воспользовался с большим удовольствием.

Он все еще вдыхал аромат хорошего табака и совсем не собирался портить себе настроение, встречая в женский разговор. Дорогая трубка, которую он недавно приобрел на один из гонораров, удачно дополняла его имидж удачливого детектива. Именно в него Костиков превратился еще несколько лет назад, когда открыл частное агентство «ИКС», название для которого придумал еще в студенческие годы. Расшифровывалось оно как «Игорь. Костиков. Сыск».

Теперь он имел полное право гордиться собой и наслаждаться дорогим табаком, раскуривая трубку в салоне собственного автомобиля. Чем он, собственно говоря, в данный момент и занимался в обществе своей жены и бабушки Дуси, которую для краткости в семье звали просто Бабусей. А вот у них, этих самых женщин, были как раз абсолютно противоположные намерения.

– Игорь, подтверди, что я уже очень хороший водитель, – первая прибегла к помощи независимого арбитра девушка. – Ты же доверяешь мне машину? – на всякий случай возмущенно переспросила она.

– Котенок, я тебе собственную жизнь доверяю полностью, не то что машину, – примиряюще ответил Костиков, затягиваясь ароматным дымом и благодаря судьбу за то, что Ирина так быстро выучилась водить автомобиль.

– Вот свою жизнь и доверяй, – не замедлила вставить старушка. – А я, может, только в самый сок вошла. Мне помирать неохота. Иль совсем вздумали меня со свету сжить? – подозрительно спросила она, покосившись на внука.

– Ну, что Вы такое говорите, Евдокия Тимофеевна! – вспыхнула Ирина. – Разве мы плохо доехали? Вы чем-то недовольны?

Возразить старушке было нечего, потому что Ирина действительно вела машину очень аккуратно и припарковала ее даже в полнейшей темноте весьма успешно. Но сдаваться баба Дуся тоже не собиралась:

– Всем я довольна. Только еще б два шага назад, и на бревно какое-то наехала бы.

– Откуда тут бревна? – удивилась Ирина. – Мы же не в лесу – до нашего подъезда два шага. Давайте выйдем и посмотрим, сколько метров еще в моем распоряжении было.

Игорь устало зевнул и подумал, что для территориальных разбирательств время совершенно неподходящее, поэтому решил прервать затянувшийся спор:

– Дамы, не ссорьтесь. Выходите из машины, и подождите, пока я сам ее в гараж загоню. Темнота кругом, возле соседнего подъезда действительно валяется что-то. Так что сейчас все вместе пойдем. И без возражений, – строго добавил он, увидев недовольство на лицах обеих женщин.

По-видимому, решив не злить на ночь глядя своего джентльмена, Ирина и Евдокия Тимофеевна недовольно засопели, но все-таки молча и покорно вышли из машины. На пронизывающем осеннем ветру стоять было, мягко говоря, неуютно. Но те несколько метров, что отделяли от освещенного теплого подъезда, были такими угрожающе-зловещими, что преодолевать их в темноте одним не хотелось.

Старушка закуталась в пуховый платок, который она специально брала с собой для всяких непредвиденных случаев. Баба Дуся жалобно покосилась на девушку: «И чего Иришка все модничает! Вон как мне в платочке-то хорошо!.. Худенькая вся как тростиночка, и плащик ентот ни фига не греет...» – горько размышляла Евдокия Тимофеевна, собираясь задать внуку большую трепку за то, что собственную жену чуть не заморозил.

«Почему все хорошее так быстро заканчивается?» – загрустила Ирина, запахивая плащ. Она и сама не поняла, к чему именно относились такие мысли. То ли к теплоте салона автомобиля, который пришлось покинуть; то ли к летнему теплу, которое сменилось осенней слякотью; то ли к приятному вечеру, который они провели в кругу родных и друзей...

– Позвольте... – внезапно оборвал ее раздумья Игорь, галантно предложив руку.

Вернее, две руки... «Потому что на десять девчонок по статистике девять ребят...» – закрутились в голове Игоря слова популярной некогда песенки. Неизвестно, какими данными располагает современная статистика, но самому Костикову было доподлинно известно, что на него одного приходилось уж точно не менее двух женщин. Поэтому обе его руки были предоставлены в распоряжение жены и бабушки, и он имел полное право самодовольно улыбаться. Даже в темноте.

«Только бы не споткнуться обо что-нибудь», – думала Ирина, делая очередной шаг в темноту. Оставалось пройти всего несколько метров.

– Чегой-то здесь? – вдруг резко остановилась старушка. – Горяшка, погляди-ко...

Возле соседнего подъезда лежал мужчина. Игорь не успел и слова сказать, как Евдокия Тимофеевна уже наклонилась над ним и потрогала за плечо:

– Вставай, милоч. Нечего прям на земле лежать, не май месяц.

Человек никак на это не отреагировал. Ирина прошла к подъезду и приоткрыла дверь.

– Так это ж Валентин Петрович, – охнула старушка, когда луч света упал на лежащее тело. – Сантехник наш. Что делать-то будем?

В потоке света явно обозначились темные пятна, при виде которых Игорь сразу нахмурился:

– Евдокия Тимофеевна, ничего не трогайте. Ирина, вызови, пожалуйста, милицию. Телефон Малышева в на какой-то бумажке на столе записан, в кабинете поищи.

Девушка снова закрыла дверь и луч света мгновенно исчез. Ирина молча прошла еще несколько шагов и скрылась в следующем подъезде. В наступившем мраке лежащее тело выглядело зловеще.

– Ужель умер? – жалобно спросила старушка, хватаясь за внука.

Конечно, особой трусливостью баба Дуся не отличалась, но и в храбрецы себя записывать не собиралась. Поэтому на всякий случай она решила держаться поближе к мужчине. Живому пока еще. Но Игорь особого беспокойства не испытывал, и разговаривал с родственницей совершенно невозмутимо:

– Похоже, довольно давно. Примерно, час назад.

Любопытная старушка снова склонилась над телом.

– Как же он, сердечный, умудрился-то? Горяшка, ты как думаешь? Я так разумею, что он из окна упал. Посвети-ка чем-нибудь, не вижу ничего...

– Вам ничего и не надо видеть, – возразил внук, но все-таки щелкнул зажигалкой.

Когда тусклый огонек осветил тело, старушка нагнулась еще ближе к земле:

– Чегой-то у него в кулаке?... Ой, пуговица кажись...

– Евдокия Тимофеевна, я же просил Вас ничего не трогать на месте происшествия! – строго напомнил Костиков.

– А я не трогаю почти... – невинно ответила старушка, но даже не подняла головы. – Пряма на камень виском попал. Вишь, сколько крови-то.

От дальнейших анатомических подробностей Игоря избавил звук милицейской сирены. «Странно, так быстро приехали, – удивился он. – А впрочем, чего и следовало ожидать! Это же Ирина звонила Малышеву!» – вмиг помрачнел он.

Следует заметить, что майора милиции Олега Павловича Малышева, Костиков знал достаточно давно. Они выросли в одном дворе, закончили один юридический институт, и даже девушку одну на двоих полюбили... Вот только так уж получилось, что именно из-за этого друзья превратились если не во врагов, то уж точно в непримиримых соперников.

С того самого времени, как только Ирина выбрала Игоря, между ним и Олегом шла непрекращающаяся, хоть и бескровная, но все-таки война. Они и раньше постоянно соревновались. Победителя и побежденного одним махом выбрать было нельзя, но все-таки...

Все-таки Игорь относился к своим результатам более снисходительно, нежели Олег. Костикову все давалось легко, или требовало гораздо меньших усилий. То и дело судьбу его решали счастливые билеты или неожиданные случайности.

Малышев добивался всего собственным трудом: просиживая бессонные ночи над книгами, пропадая целыми днями на тренировках. В итоге и к своим достижениям Олег относился более трепетно.

После того, как единственная девушка, которую окончательно и бесповоротно полюбил майор, предпочла ему какого-то..., Малышев целиком сосредоточился на работе. За короткое время он успел раскрыть несколько громких дел, которыми, собственно говоря, и заслужил не только звание и должность, но и уважение вышестоящего начальства.

Спустя всего несколько лет после окончания института в ведении Олега Павловича было отделение милиции, а сам он занимал пост старшего следователя по особо важным делам. Вот только счастье в личной жизни по-прежнему обходило его стороной.

Зато в профессиональной деятельности пути Малышева и Костикова постоянно пересекались. Сегодня вечером, как только Олег услышал в телефонной трубке голос Ирины, он готов был бежать к ней хоть на край света. Но она всего-навсего сообщила о каком-то мужчине, которого угораздило загнуться прямо в собственном дворе.

Олег прекрасно понимал, что где-то рядом с ней стоит сейчас Игорь. Но несмотря на это Малышев тут же наплевал на тихий субботний вечер у телевизора, и помчался на служебной машине по темным улицам города.

Он прекрасно знал, что может ждать его на месте: либо старик с сердечным приступом, не сумевший одолеть последние шаги на подходе к дому, либо пьяница и дебошир, избавивший от мучений родных и знакомых. Олег Павлович не раз перепоручал подобные ночные вызовы своим подчиненным. Но сейчас был не тот случай – звонила Ирина, его Ирина...

– Что случилось? Где труп? – спокойно спросил Малышев, тщетно выискивая в темноте силуэт девушки.

– А здороваться со старыми людьми у вас в милиции уже запретили? – возникла откуда-то шустрая старушка.

Майор сконфузился и быстро поздоровался. Милиционеры быстро оцепили место происшествия и приступили к делу. Вернее, начали изображать кипучую деятельность.

– Так где же труп? – снова спросил он, скрывая волнение.

– А вот он, – показала баба Дуся на тело, лежащее прямо на асфальте в свете фар милицмейской машины. – Как упал, так и лежит тут, сердечный.

– Как упал? – насторожился Малышев. – Откуда?

– Как откуда? – удивилась в свою очередь старушка. – Неужто сам не заметил, что наш Петрович из ентого окошка вывалился, – махнула рукой баба Дуся.

Малышев поднял голову вверх и увидел распахнутые рамы на третьем этаже. «Опять раньше меня все подмечает», – поморщился майор, но вслух ничего не сказал.

Остальные милиционеры успели за это время пригласить понятых, осмотреть место происшествия, записать показания свидетелей. Вернее, свидетелей как таковых и не было: никто из соседей ничего конкретного сказать не мог.

– ... Ну, слышал я какой-то шум в подъезде, – почесал в затылке жилец со второго этажа. – Так я подумал, опять Мишка с братом родительскую квартиру делят. Они как напьются, все время орут чего-нибудь. Че ж теперь должен каждый раз милицию вызывать?

– Я вроде тоже чего-то слышала. Только муж как раз футбольный матч смотрел. За его орами я ничего и не разобрала, – поддержала его другая соседка. – Еще и дети бесились как раз...

– У часто у вас тут такой дурдом творится? – усмехнулся Малышев, закуривая.

– Не часто, только перед твоим приездом, – съязвила Евдокия Тимофеевна.

Старушка вообще обладала довольно исключительным характером и своеобразным чувством юмора. Она запросто могла сказать в глаза человеку все, что о нем думает. Это касалось не только Ирины, которая по доброте душевной и благодаря воспитанию не могла ответить ей тем же. Особенно «доставала» старушка своего внука.

Она даже прозвище ласковое ему придумала, которое к Игорю с самого детства пристало – «Горяшка». Многие родственники голову ломали, что бы это могло значить. Но у Евдокии Тимофеевны была своя логика: «Горячий он больно, взрывной прямо, – объясняла она самым непонятливым. – Вот поэтому и Горяшка».

Но главным образом старушка ворчала на внука, конечно, из-за Ирины. Девушка эта ей определенно нравилась, и лучшей жены для своего Горяшки баба Дуся и желать не могла. Вот только модный нынче «гражданский брак» Бабуся не одобряла. Поэтому и вправляла мозги внуку, чтобы «не грешил, а по-людски жил».

Костиков уже много раз порывался поставить в паспорте этот пресловутый штамп, но в последний момент как-то все не получалось: то Иринин отец разболеется, то служебные дела не позволяют, а то и просто не до этого становится.

Вот именно из-за этого и был у Евдокии Тимофеевны вечный повод поворчать. Правда, сам Игорь на это не сильно внимание обращал. Особенно потому, что Ирина ничего против гражданского брака не имела.

Но терроризировать близких родственников Бабусе приходилось не слишком часто, потому что и других объектов вокруг хватало. Малышев, например. Ох, давно уже старушка заметила, как на девушку этот молодой следователь поглядывает. «И не пытается пусть даже! – подумала она с вызовом, и даже сложила фигу в кармане. – Ишь чего, Иришку у мово Горяшки увести задумал! Ни в жисть я такого не позволю!»

Так как Олег Павлович решил поиронизировать как раз тогда, когда баба Дуся была менее всего расположена к этому, он получил свою порцию острот:

– Тебе-то чего, живешь один, как перст. А люди, между прочим, семьи заводят. И кам-фликти промеж ними всякие бывают, а только все равно енти люди друг дружку любят.

Малышев слегка покраснел, и отошел в тень. Костиков тоже понял, в чей огород был брошен камешек, но промолчал, тактично сделав вид, что рассматривает место происхождения.

– Осмотр тела ничего не дал, – отрапортовал молоденький лейтенант, чем спас майора от оставшихся Бабусиных выпадов.

Игорь в недоумении переглянулся с бабушкой, но та невозмутимо выдержала его взгляд. «По-моему, хочет снова показать Малышеву, кто есть кто», – усмехнулся он.

Олег часто попадал на зуб старушке именно потому, что не обращал внимания на различные мелочи, которые иногда коренным образом меняли суть дела. И на этот раз он тоже не удосужился перепроверить своих подчиненных. «Ну, ладно, молодых ментов можно понять: опыта никакого у этих мальчишек, да и замерзли уже... Но как же Малышев не догадывается труп получше осмотреть? – недоумевал Костиков. – Бабуся с первого раза пуговицу обнаружила, а они...»

Но милиционеры уже отщелкали блицами, нарисовали на асфальте непонятный силуэт и погрузили тело в какую-то машину. «Значит, не заметили, – разочарованно подумал Игорь, но по примеру Евдокии Тимофеевны тоже ничего не сказал. – Дома это обсудим. А Малышев пусть сам докапывается. В конце концов, это и есть его работа. А меня это дело ни с какой стороны не касается».

Олег Павлович помялся возле дома еще несколько минут, и поняв, что приглашения в гости от Костикова ждать не следует, стремительно направился к милицейской машине.

– ... Ну, что? – встретила Ирина прямо с порога.

Игорь не успел и рта раскрыть, как баба Дуся начала ворчать:

– Ой, я и не думала, что Олежа такой бестолковый! Представляешь, он даже сам и труп-то не осмотрел, – жаловалась она Ирине.

– А для чего же он тогда вообще ехал в такую даль? – удивилась девушка.

– Уж не знаю, не знаю, – улыбнулась старушка и многозначительно посмотрела на нее.

«Хорошо, что Игорь уже в кабинет ушел, – облегченно выдохнула Ирина. – Мне теперь только его ревности не хватало». Конечно, девушку не постигла бы участь печально известной Дездемоны, но все-таки плохое настроение на остаток вечера было бы гарантировано. Она и сама прекрасно знала о чувствах Малышева по отношению к себе, ведь он несколько раз предлагал ей руку и сердце. Вот только провоцировать Игоря на какое-то ответное действие ей таким образом совершенно не хотелось.

Вернее было бы сказать, что о этих чувствах майора милиции знали почти все, но благо-разумно помалкивали. Только почему-то Евдокии Тимофеевне доставляло удовольствие так часто напоминать об этом всем и каждому. После таких намеков внук обычно ходил мрачнее тучи, а у Ирины начиналась мигрень. Но у старушки было на этот счет особенное мнение: «Пусть помучаются. Зато скорей поженятся, а то сами не поймут, чего хотят».

– Игорь, что все-таки случилось? – тихо спросила девушка, открывая дверь в кабинет.

– Да ничего особенного, – вяло отмахнулся Костиков. – Как всегда: сфотографировали место происшествия, расспросили соседей, которые ничего не видели, увезли труп на вскрытие...

– Как ты думаешь, отчего он умер? – Ирина присела на диван рядом с мужем и погладила его по волосам.

– Тут и думать нечего, – устало вздохнул Игорь. – Выпал из окна и попал головой на камень.

– Сам выпал? – снова спросила Ирина.

– Скорее всего, ему кто-то в этом помог. Но вообще-то, это нас совсем не касается, пусть Малышев распутывает это дело, – твердо сказал Костиков, доставая трубку.

– Как это мы такое дело Малышеву доверим? – возмущенно спросила Евдокия Тимофеевна, грозно появившись прямо перед носом внука. – Ты у нас детектив или кто?

– Баба Дуся, я, конечно, детектив. Но только меня для расследования этого дела никто не нанимал, так что на этот раз я тихо-мирно останусь в стороне от всяких там дворовых ссор и склок. Детективы вообще берутся только за те дела, которые им интересны. А меня выпавший из окна сантехник, при всем моем глубоком уважении к людям этой нужной профессии, совсем не интересует, – твердо закончил Игорь, поднимаясь с дивана.

По-видимому, этим он хотел показать, что разговор на эту тему можно не продолжать. Но только Евдокия Тимофеевна на этот трюк не обратила совершенно никакого внимания. Наоборот, она с невозмутимым видом присела в кресло и посмотрела на Ирину, прося у нее поддержки.

Девушка пока и сама не поняла, надо ли мужу впутываться во все это дело. Но наладить хорошие отношения с бабой Дусей после досадных разногласий ей очень хотелось. поэтому на этот раз женская солидарность взяла верх:

– Игорек, может быть, не стоит возлагать такие надежды на Малышева? – робко спросила она.

Правильная тактика сработала сразу – одним выстрелом Ирина убила сразу двух зайцев. Во-первых, избавила Костикова от точивших его сомнений по поводу отношения жены к майору милиции. А во-вторых, резко подняла не только настроение захандрившего детектива, но и повысила его самооценку.

Он снова присел на диван рядом с женой и начал набивать трубку табаком. Привычка эта появилась у него уже давно и означать она могла только одно – Игорь Анатольевич собирался серьезно подумать. Костиков с наслаждением насыпал элитного табака, который чуть ли не по дипломатическим каналам доставал для него отец Ирины, и закурил. Окутавшись облачком ароматного дыма он изобразил на лице вялотекущий мыслительный процесс. Обе женщины переглянулись и затаили дыхание. Вопрос завис в воздухе...

– Я б, конечно, и не настаивала, – горестно вздохнула Бабуся, на всякий случай решившая подлить масло в огонь, – да только я тебе к Октябрьской такой подарок присмотрела! – старушка, отмечавшая подарками все религиозные, советские и кадетские праздники, мечтательно возвела глаза к небу.

В данный момент она явно делала акцент на свои меркантильные интересы. Игорь часто замечал, что как только в воздухе пахло жареным, баба Дуся придумывала какие-то несуществующие поводы.

Следует заметить, у Игоря часто случались приступы меланхолии, во время которых он ничего не делал, а только целыми днями просиживал в своем кабинете, перелистывая папки с предыдущими делами. Евдокия Тимофеевна обычно в такие дни грозно появлялась в его рабочем кабинете и пыталась наставить его на путь истинный, спрашивая:

– Опять валяешься, как пельмень на сковородке?

Обычно эти слова на Игоря положительно не действовали и работоспособности ни капли не прибавляли. Он только пускался в пространственные объяснения, доказывая своей родственнице, что пельмени обычно намного приличнее смотрятся в кастрюле. А вот в сковородке комфортно чувствуют себя вареники со сметаной. Вот только на Бабусю такие слова не имели влияния, мягко говоря, ей все эти тонкости были «по барабану».

Субботние дни действовали на Костикова по-разному: то он был полон энергии и оптимизма перед предстоящими выходными, то, наоборот, вымотан рабочей неделей. В последнее время чаще случалось первое, потому что дел у Игоря Анатольевича было немного.

Его частное детективное агентство «ИКС» существовало уже несколько лет, и кое-какие успешно проведенные операции принесли не только известность в определенных кругах, но и солидный капитал владельцу. В последнее время финансовое положение Костиков стало позволять ему браться только за те дела, которые представляют собой определенный интерес или не требуют много времени. И заработную плату своему единственному служащему, то есть бабу Дусе Десятовой, выдавал исправно. Иногда даже с премиальными добавками.

Эта осень в детективном агентстве началась как-то незаметно, особо выдающихся дел не было. Так что частный детектив даже заскучал и начал хандрить.

Именно поэтому Игорь Анатольевич с восторгом отнесся к идее своего друга Георгия Загорского провести вечер в маленьком китайском ресторанчике. Неуютный октябрьский вечер располагал к дружескому общению и неторопливой беседе. Так что домой Костикив возвращался в благодушном настроении, ничуть не обращая внимания на женские распри, больше похожие на борьбу за власть (над сердцем единственного мужчины).

После встречи с милицией показатель оптимизма у Игоря резко упал. И не только из-за того, что детектив терпеть не мог холодную осень. И даже появление Малышева и язвительные намеки родственницы не сыграли решающую роль. Просто Костикив мучался над загадкой: почему человек ни с того ни с сего выпал из окна собственного подъезда?... Ответа пока не было.

– Евдокия Тимофеевна, напомните, пожалуйста, как звали того сантехника, – рискнул попросить он.

Старушка в это время сидела в кресле с мраморным выражением лица, но сразу же расплылась в улыбке:

– Петрович, Валентин Петрович его звали. По фамилии Каверин.

Ирина тоже с облегчением выдохнула: похоже, что-то в этом деле мужа заинтересовало. Значит, можно было надеяться на благополучный исход разговора, который заметно затягивался.

– А что еще Вы знаете о нем? – спросил Игорь, раскрывая блокнот.

Пока старушка делилась весьма полезной информацией, с лица Ирины не сходила счастливая улыбка: наконец-то для Костикова нашлось хоть какое-то дело, которым он сможет заняться в эту тоскливую осень.

– ... Одинокий он, сын в прошлом годе от какой-то дряни загнулся. А жена давно померла, красивая была. Многие завидовали, что они жили хорошо. Может, из-за нее и убили Петровича? – предположила Евдокия Тимофеевна.

– Бред какой-то, – отмахнулся Игорь Анатольевич. – Она же давно умерла, кто из-за покойницы живого мужа убивать будет?

– Так она красивая была, – возразила старушка. – Между прочим, я недавно в одной передаче по тиливизиру видала, как мужик через двадцать лет нашел своего обидчика, да и отомстил. Может, наш Петрович тоже какому человеку дорогу перешел? Все соседи говорят, что Маргарита у него дюже справная была.

– Евдокия Тимофеевна, ну, что Вы такое говорите? – поддержала мужа Ирина. – По телевизору всякий бред показывают, а Вы всему верите. К тому же, Маргарита Семеновна умерла три года назад, так что за это время нашего сантехника могли уже раз сто грохнуть.

– Ну, не верите, и не надо, – обиделась старушка. – А только такие дела быстро не делаются. Их еще обмозговать надо, а не так, с бухты-барахты.

Костиков отвернулся, пряча лукавую улыбку в аккуратно подстриженной бородке, которая придавала его лицу особо интеллигентный вид. «Спорить с ней просто бесполезно, – подумал он. – Хотя проверить эту версию все-таки не помешает. Может, у Кавериных действительно старые враги были? Насколько я помню, Маргарита Семеновна в райкоме партии работала, так что...»

– Спать что ли пойдем? – спросила Евдокия Тимофеевна, скрывая зевоту.

– Да, давайте завтра поговорим, – согласился Игорь, поднимаясь с дивана.

... Воскресное утро началось для частного детектива с восхитительного запаха, который проникал даже через закрытые двери. «Какое сегодня число? – лихорадочно вспоминал Костиков, – Может, праздник какой-нибудь, а я забыл?» Он достал из тумбочки блокнот, но воскресная страничка была совершенно чистой. На страничке ничего не было записано, но аромат по-прежнему приятно щекотал ноздри.

Игорь Анатольевич медленно повернулся и... никого рядом с собой не обнаружил. «И Ирина тоже исчезла... – растерянно подумал он, группируя собственные наблюдения. – Что же все-таки происходит? Вставать или дожидаться, пока меня наконец-то разбудят?...»

Пока он ломал голову над этими глобальными проблемами человечества, дверь в спальню тихонько открылась и на пороге появилась Ирина.

– Опять валяешься, как пельмень на сковородке? – с улыбкой спросила она, цитируя любимое выражение Евдокии Тимофеевны.

Бабусина поговорка из уст молодой девушки звучала немного комично и особенно нелепо. Игорь давно уже спорил со старушкой, пытаясь объяснить ей наиболее приемлемое место расположения для пельменей, коим по его разумения, являлась кастрюля. Противоречить Ирине почему-то не хотелось. Особенно таким чудесным утром.

Поэтому детектив сделал хитрый тактический ход – он просто закрыл глаза и сделал попытку отвернуться. Девушка присела на постель и погладила Игоря по волосам:

– Вставай скорее, наша Бабуся напекла с утра пораньше очень вкусные блинчики.

Костиков не поддался на провокацию и усердно захрапел.

– Вставай, – рассмеялась Ирина. – Завтрак уже на столе.

Заметив, что она собирается уйти, Игорь резко повернулся:

– Поцелуешь?

Девушка вздрогнула от неожиданности, а потом со смехом погрозила пальцем:

– До инфаркта доведешь меня скоро!

– А если не поцелуешь – доведу до... до...

До чего все-таки в противном случае хотел довести ее Костиков, Ирине узнать не было суждено, потому что она наклонилась и нежно поцеловала его. Такое невинное выражение чувств сильно рисковало перерасти в нечто большее, но этому, как на грех, помешало незримое присутствие старушки. Евдокию Тимофеевну как раз угораздило уронить на пол какой-то тяжелый предмет, который разом вернул на землю два влюбленных сердца.

– Вставай, – прошептала Ирина уже в который раз. – А то сейчас бабу Дусю дождешься с ее неизменным пельменем.

Игорь усмехнулся и взглянул на часы: восемь утра. Для начала выходного дня это было еще рано, но раз завтрак уже был готов... Старушка прощала внуку очень многое: он мог не взять ее с собой на расследование очередного дела, мог запросто выставить из рабочего

кабинета, когда там сидел очередной потенциальный клиент, но игнорировать ее кулинарное мастерство не имел права никто.

Игорь и Ирина просто обязаны были уважать ее пристрастия, потому что старушка никого не подпускала к кухне и готовила в основном сама. Все гости, имевшие честь хотя бы один раз присутствовать на обеде или ужине в доме Костикова, от души восхищались вкусными шедеврами деревенской бабушки. А она всегда была в восторге от таких гостей, которые ценили хорошую еду и оставляли после себя только пустые тарелки.

Заставлять Евдокию Тимофеевну долго ждать значило просто проявлять неуважение к ней как к личности. Поэтому после своеобразного армейского гонга Костилов поторопился и почти успел уложиться в положенные армейские сорок секунд. Ирина как раз успела застелить постель, так что из комнаты они вышли вместе.

Бабуся уже начала терять терпение:

– Солнце встало выше ели. Время...

– Евдокия Тимофеевна! – вовремя остановил ее внук. – Вы эти свои деревенские замашки бросите или нет?

– Вовсе и не деревенские, – обиделась старушка.

К своему деревенскому прошлому Бабуся относилась весьма трепетно. Как и к прошлому вообще. Дело в том, что далекие предки Евдокии Тимофеевны были сосланы подальше от столицы во времена какой-то смуты еще при Иване Грозном. И знаменитую тогда фамилию Глинских царь повелел заменить на какой-то номер в списке. Вот так и стали они Десятовыми.

Но даже в деревне Вражино, в которой старушка прожила большую часть своей жизни, очень уважали бабу Дусю. А уж когда она после смерти сестры перебралась в Тарасов к своему двоюродному внуку, да еще и заняла в его детективном агентстве пост «сыскаря», односельчане и нарадоваться не могли на свою землячку.

И сама Евдокия Тимофеевна о них не забывала, периодически присылала письма и справлялась о здоровье родственников и соседей. Которых, кстати сказать, вовсе не считала глупыми и отсталыми. Именно поэтому надменный тон внука и задел ее до глубины души:

– Чем это тебе деревенские-то не угодили? Это я по радио совсем недавно слыхала. Там умные люди сидят, а я только за ними повторяю... Ты меня перебил, а там, между прочим, диктор прям стихотворению рассказывал! Раз тебе не нравится, я тебе по-нашему, по-простому, сказать могу...

Игорь недовольно нахмурился, приготовившись к самому худшему. Но Бабуся неожиданно сменила гнев на милость и продолжила совершенно дружелюбно:

– Вот я и говорю, что время для туалета уж подошло, а мы не ели.

Ирина предпочитала в родственные споры не вмешиваться, поэтому наблюдала за внуком и бабушкой со стороны. Впрочем, потеря времени на всякие пустяки в ее планы не входила. Но так как в ее отсутствие Евдокия Тимофеевна уже успела расставить на столе всевозможные розетки с медом и вареньем, чайные чашки и блюда, а блюдо с блинчиками уже давно дожидалось своего звездного часа, Ирина решила принести из шкафа новые льняные салфетки.

Она их хотела достать уже давно, но для этого как-то не было подходящего повода. Сегодня девушка решила просто начать утро с хорошего настроения. На душе было особенно радостно от того, что все вчерашние распри по поводу Ирининого умения водить машину были забыты. Ну, по-крайней мере, о них никто не вспоминал.

Когда девушка хотела уже незаметно прошмыгнуть обратно на кухню со стопкой зеленых крахмальных салфеток, в прихожей раздался звонок. Оба спорщика, которые даже не заметили поначалу Ирининого отсутствия, в недоумении уставились на девушку, застывшую на полпути между прихожей и кухней. Так как привелегией поднимать телефонную трубку и раньше других узнавать все новости в доме обладала только Евдокия Тимофеевна, как раз на нее девушка и смотрела:

– Взять? – спросила она, готовясь пропустить старушку к телефону.

– Ктой-то к нам в такую рань? – удивилась Бабуся. – Возьми уж ты, Иришка.

Девушка в свою очередь тоже удивилась такой покладистости, но все-таки передала кипу салфеток Игорю и вернулась к телефону.

– Алло. Да, – бодро ответила она, подняв трубку.

Но через секунду она помрачнела и жестом подозвала мужа. Тот удивился, передал салфетки Бабусе и сменил Ирину у аппарата. Через секунду на его лице появилось то же самое выражение, а от хорошего настроения не осталось и следа.

– И чего ему с самого утра-то понадобилось? – заворчала баба Дуся, как попало раскладывая салфетки под тарелки.

У нее не осталось сомнений – звонил Малышев. Только он мог испортить хороший день в самом начале.

ГЛАВА 2

ГРЯДУЩИЕ ПЕРЕМЕНЫ

Марина Аркадьевна нервно перетирала фужеры, потом бросалась в ванную к недостиранному белью, потом снова бралась за фужеры...

Чемоданы были почти собраны, и последние вещи надо было упаковать в коробки. Во всех комнатах царила какая-то нежилая пустота: голые полы, на стенах – следы от снятых картин, одинокая мебель по углам. Во всем чувствовались грозящие начаться перемены и изменения.

Чтобы сын не задавал лишних вопросов, пришлось рассказать ему байку о кардинальной смене мебели и переезде в другую квартиру. Отчасти это было правдой, потому что в скором времени Андреевым действительно предстояло переселение.

Только в комнате Аркашки все было по-прежнему: любимые плакаты над диваном, куча CD-дисков на столе, мятые джинсы на спинке стула... Именно оттуда доносились ужасные звуки музыки, которые доводили до истерик не только соседей, но и родителей шестнадцатилетнего мальчугана.

Эффектным жестом поправив прическу, Марина Аркадьевна направилась в источник возмущения спокойствия.

– Сын, когда прекратится это безобразие? Ты уже вполне взрослый человек, и должен обладать хотя бы каплей уважения, – наставительно произнесла она, открывая дверь в этот оазис беспорядка.

«Вполне взрослый человек» совершенно не прореагировал на эти проникновенные слова. И вовсе не потому, что у него напрочь отсутствовало уважение ко взрослым в целом или к родной матери в частности. Просто за ревом музыки, которая буквально лилась из всех динамиков, он не слышал даже сам себя, не то что еще кого-нибудь. Кроме того, он был занят – среди всего этого хаоса он умудрялся писать стихи даме сердца.

Увидев полное пренебрежение к своей персоне, Марина Аркадьевна молча вышла и прикрыла за собой дверь. Она снова остановилась возле зеркала и с грустью отметила, что в уголках рта появились маленькие, едва заметные морщинки. Она схватила за банку с кремом и жестом профессионального визажиста нанесла несколько капель на лицо.

«С этим переездом я постарею лет на сто, – подумала женщина, отчаянно маскируя признаки усталости. – Как только все это закончится, сделаю пластическую операцию или, на худой конец, хотя бы подтяжку. Или нет, просто отдохну недели две на море...» Женщина улетела в мечтах к теплому Средиземному морю и улыбнулась. Но перехватив в зеркале этот нечаянный взрыв оптимизма, она снова нахмурилась: впереди пока были только проблемы, много проблем.

Через несколько дней они всей семьей уезжали за границу. Навсегда. Только Аркашка об этом пока не знал, и родители предпочитали как можно дольше скрывать от него этот факт. И не только потому, что он, по обыкновению всех влюбленных подростков, взбунтовался бы – со всем максимализмом юности его угрозило влюбиться в одноклассницу.

Но любящим родителям было далеко не безразлично эмоциональное состояние своего отпрыска перед отъездом в чужую страну. Поэтому они и решили до поры до времени его не травмировать.

«Подумаешь, обыкновенная детская влюбленность! – фыркнула Марина Аркадьевна, снова принимаясь за фужеры. – И что он в ней вообще вообще нашел?... Я, конечно, понимаю, она очень милая девочка, но чтобы ради этого отказаться от будущего? От учебы в престижном

колледже Америки? Этого я понять не могу. И никогда не допущу, чтобы мой сын прозябал здесь в такой же нищете и серости, как и его отец!»

Кстати говоря, Арсений Сергеевич Андреев уже давно приобрел в Тарасове репутацию опытного дантиста, поэтому зарабатывал очень неплохо. Но недалеким и ограниченным человеком его никто не мог назвать, поэтому он тоже желал для сына большей удачи и возможностей для реализации заложенного в нем от природы потенциала. И вообще, любимому детищу для полного счастья заботливые родители припасли в подарок к началу самостоятельного жизненного пути другую страну.

Конечно, особой роскошью квартира Андреевых не отличалась, но про нищету и серость Марина Аркадьевна все же зря загнула. Дело в том, что четыре комнаты на четвертом этаже нового дома в самом центре Тарасова нельзя было назвать «хижиной дяди Тома» даже с большой натяжкой. Скорее всего, они походили на дворец (рядовой такой, среднестатистический, но все-таки довольно комфортабельный).

Вот только самой Марине Аркадьевне он с каждым днем становился все ненавистнее. Душа ее уже давно рвалась за границу этого скучного серого территориального пространства, называемого в простонародье Россией.

Телефонный звонок отвлек ее от грустных мыслей. Впрочем, навевая еще более мрачные предположения: она очень боялась, что в самый последний момент произойдет что-то ужасное и эмиграция сорвется. Хотя она делала все возможное (и даже почти невозможное!), чтобы этого не произошло.

– Здравствуйте. Вы дозвонились в квартиру Андреевых. К сожалению, нас сейчас нет дома. Но Вы можете оставить свое сообщение и номер телефона после короткого гудка. Большое спасибо... – вещал автоответчик голосом самой Марины Аркадьевны.

– ... Хм, – явно засомневались на другом конце провода. – Как появитесь, перезвоните, пожалуйста, майору Малышеву по телефону тринадцать-тринадцать-семьдесят пять. Это важно.

Мужчина резко положил трубку, не дав Марине Аркадьевне даже опомниться. Она в недоумении уставилась на автоответчик, как-будто он мог угадать, зачем понадобилась его хозяйка неизвестному майору милиции. Женщина хотела было сразу набрать указанный номер, но в последний момент отдернула руку от телефона. «Лучше Арсения подожду, – решила она. – Пусть сам разбирается».

Все домашние дела резко перестали ее интересовать и Марина Аркадьевна думала только об одном: кому еще забыл «дать на лапу» ее очень прогматичный и дальновидный супруг Арсений Сергеевич, который временно отсутствовал дома по причине ухода в ближайший магазин.

– Дорогая, я вернулся, – раздался с порога голос хозяина дома. – Что-нибудь случилось? – озабоченно спросил он, увидев расстроенное лицо жены.

– Сеня, кто такой майор Малышев? – в свою очередь устало спросила Марина Аркадьевна, предвкушая новые непредвиденные расходы.

– Понятия не имею, – пожал плечами Андреев. – А в чем, собственно говоря, дело? К нам кто-то приходил?

– Никто к нам не приходил. Он только что звонил, но я не успела взять трубку, – объяснила Марина Аркадьевна. – Позвонить ему?

– Я сам, – сказал Арсений Сергеевич и начал давить на клавиши телефона.

Жена молча ушла на кухню в полной уверенности, что, как человек творческий и очень рассеянный, муж все-таки что-нибудь забыл принести из магазина.

– ... Так и есть – забыл петрушку, – грустно покачала она головой. – Придется рагу без зелени готовить.

Но не успела она еще по-настоящему загрустить по поводу неприготовленного блюда, как на пороге возник почти двухметровый подросток.

– Мам! – крикнул он так, что в зазвенели оставшиеся в шкафу фужеры. – Я завтракать не хочу! Мы с ребятами договорились в зоопарке встретиться!

– Сними наушники! – крикнула так же громко Марина Аркадьевна, перевела дух и продолжила уже нормальным голосом. – Я ж тебя сто раз просила, чтобы ты не орал так.

– Мам, я и не ору, – попытался оправдаться Аркадий.

– Это ты так думаешь. Если ты ничего не слышишь, еще не значит, что и другие такие же глухие, – продолжила наставления мама. – С каких пор ты зоопарки полюбил? Даже маленький кричал, что нельзя животных в клетках держать. А сейчас уже считаешь, что можно? – удивилась Марина Аркадьевна.

– Мам, ты че? – удивился двухметровый гигант. – Это ж наша тусовка так называется. Ты прям как первый раз слышишь. Короче, вернусь к обеду. Я ушел, – заявил он, снова надевая наушники.

Аркашка еще минут пять топтался в прихожей, но Марина Аркадьевна прекрасно понимала, что сын уже далеко. «Уже ушел, – усмехнулась она, с грохотом опуская на плитку чайник. – Опять к этой рыжей побежал! Вот уж точно – зоопарк!»

Чем именно не угодила ей рыжеволосая Людка, скромница и отличница, объяснить Аркашиной маме не мог никто, даже она сама. Это была просто ревность. Обыкновенная материнская ревность к сопливой девчонке, которая занимала все мысли ее великорослого чада, и, помнению всех матерей на свете, и в подметки ее сыну не годилась.

На развитие этой грустной темы Марине Аркадьевне не понадобилось бы и пяти минут, потому что все горестные думы по этому поводу были передуманы ею по несколько раз. Но на кухню вошел необычно побледневший муж:

– Опять какая-то неувязка? – поморщилась женщина. – Сколько надо на этот раз?

– Н-не знаю, – пробормотал Арсений Сергеевич, присаживаясь на табуретку. – Рина, мне только что сообщили, что Валентин Петрович...

– Что с ним? – удивилась жена, не проявляя особого беспокойства: со смерти тети Риты она уже успела привыкнуть к тому, что в семье дяди постоянно происходили какие-то несчастья. – Подрался со своими алкашами? Или, не дай Бог, водкой отравился?

– Рина, он умер, – тихо произнес Арсений Сергеевич.

– Как умер? – не поняла Андреева. – Я ему только вчера звонила. Вроде бы все было в порядке.

– Милиция говорит, выпал из окна, – объяснил мужчина потухшим голосом.

Марина Аркадьевна все еще не знала, как реагировать на такое известие. С одной стороны, дядю было определенно жаль. В последнее время на него и так свалилось много несчастий: три года назад умерла любимая жена, с которой они всю жизнь прожили душа в душу. Молодой еще мужчина разом превратился в старика, начал выпивать. А полгода назад, после смерти единственного сына Валентин Петрович и вовсе сломался.

Но, с другой стороны, в последнее время дядя доставлял своим родственникам только неприятности: пару раз в нетрезвом виде попадал в милицию, однажды чуть не устроил пожар в квартире...

– Рина, а может, это и к лучшему, что он сейчас умер? – прервал раздумья женщины муж. – Уезжать с нами за границу он все равно не хотел, а оставлять его здесь... Нам теперь надо съездить в милицию на опознание. Ну, не расстраивайся так, сама подумай: умер бы Валентин Петрович месяца через два – ни похоронить его по-нормальному, ни попрощаться...

– Может, ты и прав, – задумчиво произнесла Марина Аркадьевна. – Только все это как-то неожиданно.

– А это когда-нибудь бывает ожидаемо? – Арсений Сергеевич поднял на нее удивленный взгляд.

Поняв неуместность последней фразы, женщина разрыдалась.

... Через несколько часов все необходимые формальности были соблюдены и супруги Андреевы снова вернулись в свою квартиру. Нелегко было достаточно чувствительной женщине войти в милицейский морг для опознания тела родственника. Особых увечий выпавший из окна сантехник не получил, его судьбу решил маленький камешек, попавший как раз под висок.

– Сеня, ну, почему его теперь надо еще несколько дней держать в милиции? – спросила Марина Аркадьевна уже после того, как приняла дома успокоительное и таблетку аспирина.

– Не знаю, – потер переносицу муж. – Я просил этого Малышева не делать вскрытие, пощадить наши чувства. Но он уперся и ни в какую!

– Как ты думаешь, это надолго задержит наш отъезд? – вдруг забеспокоилась женщина, снова хватаясь за фужеры, которые все еще не были упакованы.

– Если будет расследование, думаю, надолго.

– Но мы же планировали через две недели уже развязаться со всеми делами и с Россией вообще! Там же работа! И колледж у Аркаши!

– Кстати, – Арсений Сергеевич поднялся с дивана и закурил дорогие сигареты. – Как мы об этом скажем сыну? Может, ему вообще ничего говорить не стоит? – предложил он.

– Не получится, – выдохнула Марина Аркадьевна. – Аркашка после смерти родного деда так к дяде Вале привязался, почти каждый день ему звонит. представляешь, если не мы, а кто-нибудь другой сообщит ему?...

– Ладно, придется сказать, – согласился муж, пытаясь затушить в пепельнице половину сигареты. – Только поаккуратнее.

Вообще-то, Арсений Сергеевич курил довольно редко, только в таких вот сложных ситуациях, когда стоял перед выбором. За последние несколько месяцев он бросал курить уже четыре раза. Но снова начинал, когда нервная система требовала отдыха и не было сил справиться с проблемами.

Как и все врачи, Андреев прекрасно знал, что курение наносит здоровью непоправимый вред. Но по собственному опыту знал, что ничего, кроме собственной сознательности, не сможет избавить его от этой привычки. В данный момент у него была твердая воля, определенная сила, но вот силы воли ему как раз не хватало.

– Родители, общий привет! – заорал Аркашка прямо с порога. – ... А почему у вас такие лица хмурые? Что-нибудь случилось? – спросил он уже тише, снимая наушники.

Взрослые переглянулись и решили не откладывать разговор в долгий ящик. Марина Аркадьевна вздохнула:

– Да, сынок, случилось...

– Мы не едем в отпуск? – перебил Аркадий, который терпеть не мог всякие недомолвки.

– Да, нет, – отмахнулся отец. – В Америку мы едем, только позже... Понимаешь, тут случилась одна неприятность... Умер Валентин Петрович.

– Как умер? – заморгал глазами сын и опустился на диван. – Я только вчера ему звонил, вроде бы все в порядке было. Папа! Этого не может быть! Я ему правда вечером звонил! И разговаривал он со мной вполне нормально! – Аркадий разрыдался, не сдерживая слез.

Каверин был ему не родным, а двоюродным дедом. Но отец Марины Аркадьевны умер еще до рождения внука, которого и называли в его честь. Валентин Петрович так привязался к двоюродному внуку, что готов был возиться с ним с утра до ночи.

Первые детские впечатления Аркашки были связаны именно дедом Вале́й, который и в зоопарк мальчика водил, и в парке с ним гулял. Даже после смерти Маргариты Семеновны, когда Валентин Петрович не общался почти ни с кем из родственников, Аркашка был единственным, кого тот пускал в свой дом в любое время. После трагедии с собственным сыном мальчик вообще остался единственным по-настоящему близким Каверину человеком.

Аркадий вообще с самого рождения воспринимал Валентина Петровича как родного деда и всегда поддерживал с ним теплые родственные отношения. В последнее время они особенно сблизились, предчувствуя разлуку: часто встречаться у них не было возможности из-за того, что начался учебный год. Но зато дед и внук перезванивались по несколько раз на дню и подолгу обсуждали какие-то общие дела.

Сначала Арсений Сергеевич ревновал и пытался заменить эту дружбу отцовской заботой. Но в переходный возраст у Аркашки выработался непростой характер, поэтому он ни за что не подпускал родителей близко к себе, не рассчитывая на их понимание.

Марина Аркадьевна в мужские взаимоотношения предпочитала не вмешиваться. Тем более она прекрасно понимала, что после смерти у Валентина Петровича не останется прямых наследников. «Чем лучше дядя Валя будет относиться к моему сыну, тем больше у Аркашки шансов получить наследство», – рассудила она и успокоилась.

В шестнадцать лет любому подростку очень трудно найти общий язык с собственными родителями. Именно поэтому младший Андреев так сблизился с дедом, и именно поэтому потеря этого человека была особенно чувствительна для Аркадия.

Он, как ребенок, уткнулся в мамины колени и просто плакал. Марина Аркадьевна беспомощно смотрела на мужа и не знала, чем помочь такому искреннему горю.

– Сынок, ты уже достаточно взрослый, чтобы понять: люди смертны. С этим ничего не поделаешь, – глубокомысленно изрек Арсений Сергеевич и сосредоточенно потер переносицу...

* * *

– ... Да куда вы раньше-то смотрели! – орал Малышев в шесть утра, шагая по периметру своего кабинета. – Упал и упал! Все же ясно было! А тут теперь!..

– Олег Павлович, ее патологоанатом случайно обнаружил, – оправдывался молодой лейтенант.

– Ничего себе, случайность! – продолжал возмущаться майор. – Вы же сто раз труп этого сантехника осматривали! И пуговицу эту еще на месте преступления должны были найти! Безобразие какое-то!.. И безответственность! – добавил он, со злостью раздавив в пепельнице недокуренную сигарету.

Лейтенант виновато опустил голову и покорно ждал дальнейших указаний. Он и сам понимал, что допустил непростительную глупость, не обследовав труп пострадавшего как следует еще вчера.

Пока Малышев раздражался этой тирадой, в голове его подчиненного тоже шел сложный мыслительный процесс. «Да в такой холод кому охота возиться! – возмущался он про себя. – Знал бы я, что он не сам из окна выпал, я бы всю округу на четвереньках облазал! Кто ж мог подумать, что у него в кулаке эта чертова пуговица зажата!»

Конечно, сказать все это своему непосредственному начальнику молодой милиционер Корнев не мог, но запретить пофантазировать на эту тему хотя бы в уме Малышев лейтенанту не мог.

– Вы хотя бы догадались родным сообщить об этих подробностях? – спросил Олег Павлович, немного поостыв.

– Ждали Ваших распоряжений, товарищ майор, – громко отрапортовал Корнев.

«Господи, куда мне от этих тупиц деться? – опять загрустил Малышев и потянулся за новой сигаретой. – Все приходится делать самому...» Но вслух он свои претензии высказывать не стал. Олег Павлович очень хорошо понимал, что от вышестоящего начальства за недобросовестное ведение дела попадет именно ему. И вину свою он остро чувствовал: «Если бы поменьше об Ирине думал, я бы сам вчера вечером все осмотрел!» – ругал себя майор.

Правда, самобичеванием ему тоже было некогда заниматься, потому что срочно надо было выяснить предполагаемого убийцу. Через час Малышеву надо было уже подготовить отчет и арестовать хотя бы одного обвиняемого в убийстве. Он напрасно ломал голову, плохо соображая, кто бы это мог быть.

«Может, Костикова на всякий случай посадить? – мелькнула у него шальная мысль. – В конце концов, это же он нашел тело, а значит, первый появился на месте преступления. То есть, конечно, с Евдокией Тимофеевной...»

Как только Малышев вспомнил про неугомонную старушку, он тут же отверг собственную идею: если бы только любимый внук Евдокии Тимофеевны Десятовой оказался в тюрьме, она бы всю страну на уши подняла. Возможно, настоящий убийца сантехника нашелся бы буквально через полчаса, а то и явился бы с повинной. Но майору Малышеву уж точно грозило бы если не увольнение, то строжайший выговор. И до подполковника он точно никогда не дослужился бы.

Олег Павлович снова задумался: кандидаты в убийцы почему-то не спешили вырисовываться в его голове. «Неужели мне грозит увольнение по причине профессиональной непригодности? – испугался Олег. – Из-за такого пустяка, как этот алкаш, я еще должности лишусь! Черт побери, и кому только понадобилось его пристукнуть!» – психовал майор, не находя себе места.

Так ничего и не придумав, через полчаса он вызвал к себе того же лейтенанта Корнева:

– Володя, постарайся узнать как можно больше о том, с кем в последнее время контактировал наш сантехник.

– Олег Павлович, а чего тут узнавать-то! – пожал в недоумении плечами сотрудник. – Он в последнее время зашибал крепко, так что знакомые у него, мягко говоря, не из элиты. Сами понимаете, с каким контингентом сантехники водку пьют.

– Я тебя не в общем и целом спрашиваю – перебил его Малышев. – Ты мне каждого по имени-отчеству, желательно – с фамилией и местом жительства. Через два часа этот список – ко мне на стол. Вопросы есть?

Корнев помрачнел, но ответил по уставу:

– Никак нет, товарищ майор. Разрешите выполнять?

Малышев разрешил, лейтенант ушел. Вот только облегчения Олег Павлович не испытал: он и сам пока не знал, зачем ему вообще этот список нужен и что он ему может дать.

«Может, один из этих алкашей в какой-нибудь пьяной разборке с нашим сантехником чего-нибудь не поделил, – начал размышлять Малышев. – Вот и толкнул его из окна... Может, даже нечаянно... Но это сейчас уже не так уж и важно! – отмахнулся майор. – В общем, надо прощупать почву».

После того, как решение было принято, Олег Павлович набрал номер телефона частного детектива Игоря Костикова. Но услуги его агентства майору милиции не были нужны, да и потрепаться с другом детства вовсе не хотелось. Просто нужен был повод увидеть Ирину. Заодно – выяснить кое-что по поводу окружения сантехника...

– ... И чего ему только приспичило с самого утра! – ворчала Евдокия Тимофеевна, убирая со стола посуду. – Люди позавтракать не успели, а он уже приперся, черт безрогий...

На самом деле присутствие какого-либо черта – безрогого или увенчанного рогами, в квартире Костиковых не предполагалось. Просто через полчаса после телефонного звонка ее изволил посетить майор милиции Олег Малышев «с дружественным визитом», как он пошутил на входе.

К сожалению, баба Дуся была совершенно противоположного мнения о намерениях этого молодого человека, поэтому и не испытывала при его появлении никаких теплых чувств. Даже наоборот: она, конечно, позволила внуку уединиться с Олегом Павловичем «по важным делам»

в рабочем кабинете детектива, но сама категорически отказалась там присутствовать и Ирину не пустила.

«Ишь че захотел! – негодовала Бабуся, перетирая тарелки. – И меня даже позвал, лишь бы на нашу Иришку полюбоваться! Как же, нужны ему разные важные дела! Приперся бы он в воскресный день!...»

Внезапно размышления старушки прервало деликатное покашливание:

– Евдокия Тимофеевна, Вы очень заняты?

– Очень, – буркнула баба Дуся, на ходу смахивая последние крошки с обеденного стола.

– Не могли бы Вы уделить нам всего несколько минут своего драгоценного времени? – во второй раз попытался Игорь. – Пройдемте в кабинет, пожалуйста.

– Ну, чего там? – даже не обернувшись в его сторону старушка, которую уже разбирало жуткое любопытство: ни с того, ни с сего не стал бы внук так официально обращаться к ней, да еще настаивать на ее присутствии в кабинете.

Костиков ничего не ответил, а продолжал покорно ждать ее в дверях. Бабуся еще немного посповала по кухне, то там, то здесь поправляя что-то или убирая в шкаф. А потом все-таки не выдержала:

– Идем что ли? Чего ж зовешь, а сам проход загородил!

Игорь Анатольевич покорно отошел и галантно открыл перед ней дверь кабинета. «И впрямь чегой-то сурьезное случилось!» – сразу испугалась Евдокия Тимофеевна и решила приберечь свою спесь до другого раза.

Малышев сидел на диване, окутанный облаком сизого дыма. Подозрения бабы Дуси еще больше подтвердились: разговор предстоял серьезный. Она заняла место в кресле, достала кисет и приготовилась выслушать все, что ей скажут.

Привычка нюхать табак осталась у Бабуся еще с тех времен, когда она жила в деревне. Вообще-то, внуку было все равно, чем его родственница увлекается. Туговато пришлось Евдокии Тимофеевне, когда оказалось, что у Иришки, гражданской жены Игоря, обнаружилась стойкая аллергия на сей неприхотливый порошок.

Отказаться от привычной понюшки и многоразового чихания старушка уже не могла. На первых порах баба Дуся только ворчала в ответ на недовольство девушки. Но потом врожденный здравый смысл все-таки возобладал над привычкой старушки к вечному противоречию, и она справедливо решила, что безупречная во всех отношениях Ирина имеет право на некоторые недостатки в виде аллергии.

С этих пор Евдокия Тимофеевна прекратила портить кровь окружающим и постаралась сделать так, чтобы табак не просыпался на Иришкин диван или даже на ковер. Для этого пришлось сменить старый добрый кисет на новый, более плотный. Конфликты и нравоучения внука о вредных привычках сразу прекратились, и в доме Костикова воцарились мир и покой.

Но Бабуся все равно продолжала нюхать табак. Особенно, в таких вот ситуациях, когда с самого начала не понятно, чем же все-таки закончится разговор. Игорь прикрыл за собой дверь и тоже сел в кресло:

– Главный эксперт на месте, можешь рассказывать, – кивнул он Малышеву, пряча улыбку за облачком дыма, которое выпустил изо рта.

Костиков прекрасно понимал, что попросить помощи у него или, (тем более!) у Евдокии Тимофеевны, для Олега Павловича буквально смерти подобно. И уж если он отважился на такой шаг, дело предстоит действительно серьезное. Но только облегчать задачу майора Игорь совсем не собирался, поэтому Малышев сначала оглядывался и мялся, а потом собрался духом и начал рассказывать:

– Я к Вам по делу, Евдокия Тимофеевна...

– Да, уж, это, милоч, и ежу понятно, – не удержалась старушка.

Костиков бросил на нее грозный взгляд, она спохватилась, снова замолчала и принялась развязывать длинные тесемки кисета.

– ... Наверное, Вы помните, как вчера нашли возле подъезда тело Каверина Валентина Петровича... Так вот, понимаете, мои сотрудники обнаружили в кулаке убитого пуговицу... – на каждой фразе заикался Малышев, пытаясь обнаружить проблеск хоть каких-то эмоций на лице Бабуся.

Но старушка с невозмутимым видом продолжала развязывать кисет, не поднимая глаза на внука или майора.

– ... Для начала я бы хотел выяснить, с кем в последнее время общался сантехник. Вы не знаете?

– Откуда мне? – удивилась Бабуся. – Я, конечно, тоже с ним общалась по весне, когда у нас авария какая-то в канализации случилась. Хороший мужик Петрович был, душевный: целый день с поломкой возился, а за работу только шкалик взял, – закончила она, гордясь бескорыстным сантехником.

– Я же про другое, – робко перебил Малышев. – Может быть, Вы знаете, какие друзья у него были? Или враги?

– Отродясь я никаких врагов у нашего Петровича не видала, – отрезала старушка. – А друзья у него... – она долго морщилась, пытаясь вспомнить трудное научное слово, которое только вчера услышала из уст Гоши, видного Тарасовского врача. – Спи-си-фи-ческие, во!

Костиков на правах близкого родственника незаметно улыбнулся. Малышев себе такого позволить не мог, поэтому сохранил серьезное выражение лица, внутренне даже удивляясь такой образованности старушки, большую часть жизни прожившую в Богом забытой деревне Вражино.

– Ну, может, все-таки знаете кого-нибудь, у кого вот такая пуговка могла бы быть, – майор протянул Евдокии Тимофеевне маленький прозрачный пакетик с одиноко лежащим там темно-серым кусочком пластмассы.

Хитрая Бабуся жестом отказалась его принять, выдержала эффектную паузу и не торопясь произнесла:

– Милок, тебе надо было еще вчера енту штуковину найти, а ты только сегодня встрепенулся, – укоризненно покачала она головой.

Малышев сделал вид, что ему такие замечания безразличны. Но на самом деле удар по самолюбию был нанесен тяжелый: «А я-то думал, она ничего не видела! И здесь они с Костиковым меня обошли!» – Олег Павлович сломал недокуренную сигарету о дно пепельницы и потянулся за новой.

– Кабы знала я чего про пуговку... а-а-апчхи, я б давно уж Горяшке про то сказала. И про друзей не знаю. Ты ко мне с такими пустяками не ходи... А-а-апчхи! Сам посуди, чем твоим работничкам заниматься, коли я тебе обо всем расскажу? – с наивным видом вопрошала старушка в перерывах между чиханием.

Игорь Анатольевич просто наслаждался своим триумфом – наконец-то ему удалось показать заносчивому следователю, кто есть кто. Правда, он не побрезговал и при дневном свете пуговицу внимательно рассмотрел, стараясь запечатлеть в памяти неповторимый узор из штрихов более темного серого цвета, нанесенных на более светлую основу.

Через полчаса таких невероятных издевательств заслуженных детективов над майором милиции разговор, наконец, вошел в спокойное русло, и обе стороны договорились о сотрудничестве.

Конечно, ни один из «старых друзей» до конца не доверял другому. Но для раскрытия простого и одновременно такого непонятого преступления Малышеву требовалась подсказка вездесущей Евдокии Тимофеевны. Преодолевая собственное негативное отношение, Олег Павлович все-таки обратился за помощью.

Костиков тоже трепетных чувств по отношению к майору не испытывал и помогать в чем-то сопернику не стремился. Но еще с вечера Евдокия Тимофеевна так просила внука взяться за расследование смерти сантехника, что Игорь для себя уже все твердо решил. В общем, помощь милиции пришлось бы весьма кстати при выяснении каких-нибудь рутинных деталей.

После ухода Малышева частный детектив закрылся в кабинете и собрался серьезно подумать над планом предстоящих действий. На то, что любимая престарелая родственница отсутствовала весь день дома, он даже не обратил внимания. Она явилась только к ужину.

«А чего им надо-то, ентим мужукам? – рассуждала Бабуся уже вечером. – Еды много наготовлено, белье постирано-поглажено. Хоть Иришка обо мне вспомнила, и то хорошо. А то если на одного Горяшку-то надеяться, можно и вовсе пропасть», – пришла она к разумному выводу и положила девушке двойную порцию вкусных пирожков.

Конечно, Евдокия Тимофеевна вовсе не была врагом стройной фигуры, коей отличалась Ирина, но именно таким образом старушка выразила ей свою признательность за заботу. К слову говоря, девушка действительно очень беспокоилась, когда баба Дуся дольше двух часов задерживалась в магазине или на рынке. Особенно, после вчерашнего события во дворе собственного дома.

ГЛАВА 3

НЕОЖИДАННЫЕ ПРЕПЯТСТВИЯ

– Ну, и что теперь делать? – бессильно опустилась на диван Марина Аркадьевна. – Только что позвонила в милицию, а они отказались какие-либо сведения давать по телефону.

– Мам, может, съездить туда? – тихо спросил Аркадий.

За последние два дня он сильно изменился: осунулся, побледнел. Но дело было не только во внешних признаках. На самом деле родители просто не узнали своего шестнадцатилетнего шалопая, когда после вчерашних, по-детски искренних, слез он проснулся в гостиной.

Аркашка впервые заснул на диване, раньше он в большом горе или радости всегда уходил в свою комнату. Марина Аркадьевна очень удивилась и не знала, что думать. С одной стороны, налицо было духовное единение с сыном, потому что до этого они еще поговорили о дяде Вале и вспомнили множество эпизодов из жизни, связанных с ним. С другой стороны, такая близость женщину немного напрягала.

«Мы решили ничего не говорить ему про окончательный отъезд за границу. Как же теперь быть? Если он сейчас поделится со мной своими переживаниями, а я промолчу, он никогда мне этого не простит, – размышляла она. – Но рассказать ему правду сейчас я тоже не могу! Это же будет как снег на голову. Нет, два удара разом – это перебор. Придется пока помолчать. Тем более, уже совсем недолго осталось. А на новом месте боль утраты затихнет быстрее».

Пока морально-нравственные проблемы занимали голову взрослого представителя семьи Андреевых, самый младший мирно спал в гостиной. Именно в это время раздался повторный телефонный звонок от того же самого майора Малышева. Он пригласил Марину Аркадьевну в отделение милиции для дачи показаний.

Аркашка тут же проснулся, но даже не стал возражать, когда родители решили оставить его дома. «Незачем лишний раз подвергать ребенка такому стрессу», – разумно решил Арсений Сергеевич. Опознав тело родственника, супруги благополучно вернулись домой и вечер прошел сравнительно спокойно.

Вот только Аркадий держался как-то совсем по-взрослому. Он почему-то совсем не стремился включить любимые вечерние телепрограммы, и даже забросил свои наушники. Марина Аркадьевна только грустно покачала головой, но напоминать сыну о его обычных занятиях не стала. Даже не стала останавливать его, как обычно, когда позвонил кто-то из друзей и сын молча ушел на улицу.

«Наверное, опять к этой девчонке», – подумала она с тоской. Сказать что-то плохое о Людмиле женщина не могла. Просто эта девочка вызывала у нее непреодолимую ревность и антипатию. Сначала Марина Аркадьевна пыталась открыть сыну глаза на эту «серую мышь», которая его не стоит. Но потом, как женщина умная, решила отказаться от тактики прямого нападения, вспомнив, что запретный плод всегда сладок. Она решила, что раз уж они всей семьей все равно скоро уедут за границу, на девчонку просто не стоит обращать внимания.

Аркадий сначала немного удивился, что мама перестала мучить его придирками. Но потом обрадовался, что наконец-то его Людку хотя и не приняли с распростертыми объятьями, то хотя бы оставили в покое.

... Теперь все эти заботы отодвинула на второй план смерть Валентина Петровича. Вчера вечером серьезно подумать об этом как-то не было времени, а с этим звонком из милиции проблемы нахлынули новой волной. На работу идти не надо было, да и Аркашка в школу не пошел. Они вдвоем сидели на диване посреди пустой гостиной и пили кофе, как вдруг семейную идиллию разрушил телефон.

– Странно, какие свидетельские показания им понадобились? – рассуждала Марина Аркадьевна сама с собой, пока приводила в порядок макияж и прическу.

– Мам, а вдруг это было убийство? Ну, может быть, кому-нибудь наш дед помешал? – тихо спросил Аркадий за ее спиной.

Женщина даже вздрогнула от такого предположения, но тут же взяла себя в руки:

– Не болтай ерунды! Наверное, этот Малышев просто свихнулся на всяких там расследованиях, вот и ляпнул про свидетелей. На самом деле, кому мог Валентин Петрович помешать? Он что, бизнесмен какой-нибудь?... Просто абсурд, – отмахнулась она.

Аркадий со вздохом ушел в свою комнату, но привычных ревуших звуков из-за закрытой двери не последовало. Уже два дня вообще никакой музыки мальчик не слушал. Мама тихо вздохнула и вышла в подъезд.

* * *

– Ой, милоч, да ты мне толком скажи, пил ты вчера с Петровичем или нет? – допытывалась Бабуся у бородатого дядьки, напоминающего помидор.

Конечно, не формой тела, а цветом лица. Ко всему прочему это самое лицо покрывала десятидневная щетина цвета заходящего солнца. Голову же двухметрового гиганта украшала роскошная шевелюра того же тициановского оттенка. Вообще, несмотря на то, что видок у бабушкиного собеседника был довольно экзотический, жители близлежащих домов на него особого внимания не обращали – привыкли уже за много лет.

Вообще-то, Онуфрия за всю жизнь по имени называли всего несколько человек: мать, первая учительница и Валентин Петрович. Все остальные звали его просто – Рыжий. Носитель этой немудреной клички обижаться на людей и природу не думал, но по-настоящему уважал только трех человек: еще живую мать, покойную первую учительницу и... недавно покойного Валентина Петровича.

– Мать, я т-тебе говорил уже... – икнул Онуфрий. – Собирались мы выпить, н-но не выпили... Птаму-у-ушта Петро-о-ович не-е пришел.

Детина рухнул на парковую скамейку и сделал вид, что собирается свернуться клубочком и заснуть.

– Так он ровно в восемь собирался прийти? – в который раз переспросила Бабуся, растормошив мужика за плечо. – Ты его подождать-то не додумался? Может, задержался он ненадолго?

– Н-не может такого быть, – отчаянно замотал головой рыжий бородач, с трудом раскрывая глаза. – Петро-о-ович ни-каг-да не апаздвает! – для пущей убедительности Онуфрий даже поднял вверх указательный палец.

Евдокия Тимофеевна в бессилии опустилась рядом и подумала, что еще можно сделать. Так ничего и не придумав, она сняла с себя пуховый платок, изъеденный молью и специально доставаемый из шкафа для такого вот маскарада «а-ля-бомжи» и положила в заранее припасенную сумку. Потому что ей и так предстояло пройти через весь двор в старом-престаром пальто с потертым песцовым воротником, тоже долгое время приберегаемом для тех же целей.

– Бабуль, ты от него сегодня ничего не добьешься, – посочувствовал старушке проходящий мимо мужичок с авоськой пустых бутылок. – Этот рыжий с утра в винном магазине ящики разгружал, так что теперь до завтра не протрезвеет.

– Погодь, мил человек, – проворно вскочила со скамейки Евдокия Тимофеевна. – Хоть ты помоги: не знаешь, где мне сантехника найти? Ну, видный такой мужчина, – старушка сделала значительное лицо и развела руки в стороны. – Петровичем зовут.

– Петрович? – переспросил мужичок и противно осклабился. – Опаздала ты, мамаша. Нет больше нашего Петровича, помер он.

– Как помер? – старушка снова села на скамейку и выпучила глаза. – Быть такого не может! Он мне обещал трубы в туалете поменять! Как же я теперь, без труб-то?

– Вот уж не знаю, – гадко улыбался мужичок, явно наслаждаясь бабкиной растерянностью. – Придется теперь вашему «туалету» так оставаться.

Старушка все продолжала охать и сетовать на то, что «енти бессовестные сантехники» мрут, как мухи. Мужик, похоже, странная бабка очень понравилась, и он уселся на скамейку рядом с ней и храпящим во всю мощь рыжим детиной. Авоську с пустыми бутылками он бережно поставил на колени.

– Бабуль, ты так сильно не расстраивайся, – посочувствовал мужик. – Меня Сеня зовут. Ты не думай, что я злыдень какой, мне тоже Петровича жалко. Он в субботу собирался такое вино притащить! – новоявленный знакомый мечтательно поднял глаза к небу. – И тут вдруг загнулся. Нехорошо это как-то, не по-товарищески.

– Ой, так ты тож из ихой компании? – обрадовалась Евдокия Тимофеевна. – Милок, подтверди мне хоть ты, что не собирался ентот Петрович с жизнью кончать! Замучили меня бабы во дворе. Я им доказываю, что не хотел наш сантехник помирать, потому как он мне должен был трубы поменять. А они, дуры, говорят, что не радость ему жисть была...

– Ты, бабка, правильно делаешь, что этих куриц не слушаешь, – авторитетно подтвердил мужик. – Петрович, конечно, в последнее время смурной ходил... Но это потому, что у него племянница в заграницу уезжает.

– А он что, очень енту племянницу любил? – жалостливо поинтересовалась Бабуся.

– Не-е, – разочарованно протянул Сеня. – Ее не очень. А вот в мальце – души не чаял! Его Аркашка зовут, он тут часто бывает, – со знанием дела сказал Сеня. – У Петровича еще один внучок есть, но тот в деревне живет, не часто приезжает. Но тоже хороший пацаненок, – вздохнул мужик и замолчал, по-видимому, не желая разглашать подробности семейной жизни погибшего Каверина бесплатно.

После того, как Евдокия Тимофеевна пообещала самолично купить Сене бутылку водки за ценные сведения, он выложил ей кучу фактов из биографии сантехника.

Как и предполагала баба Дуся, с женитьбой Валентина Петровича не все гладко получилось. Дело в том, что Маргарита Семеновна была и в преклонном возрасте очень хороша, а в молодости – просто писаная красавица. Так что и женихов у нее было полно, только ни за одного из них замуж идти она не хотела.

Валентин Петрович до встречи со своей будущей женой не отличался ни яркой красотой, ни особой смелостью. Вот только характер его резко поменялся после того, как он познакомился с младшей дочерью в семье Рассказовых. Из тихого и скромного паренька Каверин превратился чуть ли не в горячего джигита, который увел невесту прямо со свадьбы.

– ... Ну, не помню, сколько там до свадьбы оставалось, – Сеня задумался и потер лоб от такого напряжения мыслей, – но точно знаю, что помолвка у нее с кем-то была. Петрович сам не раз хвастался, что из-под венца невесту украл, да еще от разъяренного жениха ее всю жизнь прятал.

У Евдокии Тимофеевны при этих словах челюсть отвисла. «Говорила же я Горяшке, надо недруга-соперника искать! А он еще смеялся! – про себя ругала внука старушка. – Теперь бы только узнать, кто такой ентот ухажер бывший...»

Но этим планам сбыться не было суждено. Во-первых, Сеня жутко болел с похмелья и ни о чем, кроме обещанной бутылки, думать уже не мог. А во-вторых, историю Петровича он хоть и слышал много раз, но ни за что не мог догадаться, что за нее «пол-литры» раздавать бесплатно будут. Поэтому ничего толком и не запомнил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.